

¹⁶ *Karkama P.* Kansakunnan asialla. Elias Lönnrot ja ajan aatteet // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 843. Helsinki, 2001. S. 35.

¹⁷ *Honko L.* Kalevala: aitouden, tulkinnan ja identiteetin ongelmia. Kalevala ja maailman eepokset / Toim. L. Honko. Kalevalaseuran vuosikirja. 65 // SKS. Helsinki, 1987. S. 47.

¹⁸ *Hautala J.* Suomalainen kansanrunoudentutkimus // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. 244. Helsinki, 1954. S. 143–144.

¹⁹ Elias Lönnrotin matkat I... S. 70–71.

²⁰ Op. cit. S. 190.

²¹ *Sihvo H.* Karjalan Kuva... S. 39.

²² *Dumont, Louis.* German Ideology From France to Germany and Back. Chicago and London, 1994.

²³ *Bunzl M.* Franz Boas and the Humboldtian Tradition: From Volksgeist and Nationalcharakter to an Anthropological Concept of Culture. – Volksgeist as Method and Ethic. Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / Ed. W. George Jr., Stocking // History of Anthropology. V. 8. Madison, Wisconsin // The University of Wisconsin Press. 1996.

²⁴ *Jacknis I.* The Ethnographic Object and the Object of Ethnology in the Early Career of Franz Boas. Volksgeist as Method and Ethic. Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / Ed. W. Gerge Jr., Stockin // History of Anthropology. V. 8. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press. 1996; *Koeping K.-P.* Adolf Bastian and the Psychic Unity of Mankind. The Foundations of Anthropology in Nineteenth Century Germany. St. Lucia, London, New York: University of Queensland Press, 1983.

A. M. Пашков

У ИСТОКОВ КАРЕЛЬСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КОНДРАТЬЕВ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Первым карельским краеведом, оставившим ценные для своего времени сочинения по топонимике Карелии и этнографии карел-ливвиков, был Иван Васильевич Кондратьев¹. Биографические сведения о нем крайне скудны. Его отец Василий Кондратьев² был зажиточным мещанином Олонца. По данным на 1801 г., В. Кондратьев владел двумя лавками в городе, в которых торговал «разными сукнами, шелковыми, бумажными и гарусными матерьями и другими принадлежачими суровскими товарами»³. Отец краеведа, авторитетный среди олончан человек, знал грамоту и был в 1812 г. был гласным городской думы⁴. Иван Кондратьев по своей

натуре был предприимчивым и любознательным, «кроме азбуки научился грамоте самоучкой». Будучи карелом («зная как природный олончанин язык корельский»), владел в какой-то степени и финским языком («при способе знания корельского и частью финского языков»). В молодости, примерно с 1815 г., Иван Кондратьев служил приказчиком на лесопильных заводах Олонецкого уезда, где показал себя человеком с активной жизненной позицией и равнодушным к злоупотреблениям, за что удостоился «монаршьего награждения» в 1000 рублей. В начале 1835 г. И. В. Кондратьев составляет записку об осушении болот в Олонецком уезде с целью повышения плодородия крестьянских земель. В своих расчетах он опирался на собственный опыт: статистик И. Ф. Штукенберг со ссылкой на известного ученого П. И. Кеппена сообщал, что с 26 осушенных десятин Сармяжского болота он получил в первый же год 1750 пудов сена⁵. Свой опыт и предложения по осушению болот и озер И. В. Кондратьев изложил в нескольких статьях, опубликованных в «Земледельческой газете»⁶. К первой из этих статей редакция газеты сделала примечание: «Статья почтенного земледельца Кондратьева очень обстоятельна и показывает, что он в своем деле поступает рассудительно. Можно пожелать, чтобы пример его нашел более подражателей в наших поселениях. Рассуждать о своем деле значит изучать его, а изучение ведет к совершенству»⁷.

Активное, но кратковременное сотрудничество Кондратьева с «Земледельческой газетой» закончилось конце декабря 1835 г., когда он завершил еще одну большую статью «Лесопильная промышленность», также вскоре опубликованную⁸. Эта публикация интересна как попытка автора представить «образ лесопильной промышленности в Олонецком уезде, выгоды, от нее получаемые, и другие, к тому относящиеся обстоятельства», т.е. дать краткий очерк состояния лесопильной промышленности уезда в середине 1830-х гг. Он сообщает сведения о своей жизни («занимавшись, кроме земледелия, более 20 лет лесною промышленностью»), а также предлагает свои услуги по организации лесопильного завода и сообщает свой адрес.

В том же 1835 г. И. В. Кондратьев совместно с олонечким купцом Аврамовым направили главноуправляющему путей сообщения просьбу о строительстве судоходного канала между реками Олонкой и Свирью⁹. В следующем году в «Коммерческой газете» появилась заметка Кондратьева «О новом судоходном сообщении в Олонецкой губернии»¹⁰, в которой необходимость постройки канала обосновывалась перспективами развития в Олонецком крае лесного промысла и торговли сеном.

В 1836 г. И. В. Кондратьев послал в Департамент внешней торговли еще одно донесение «О способах к предотвращению водворения контра-

банды со стороны Финляндии». К этому же году относится большая записка «О способе улучшения благосостояния казенных крестьян Олонецкой губернии», законченная Кондратьевым 10 апреля в Петербурге, где он временно проживал. Записка была направлена на имя министра финансов Е. Ф. Канкрин¹¹. В то время Олонецкое губернское жандармское управление расследовало дело «О вырывании олонецким мещанином Кондратьевым из земли костей павшего от заразы скота».

В 1845 г. И. В. Кондратьеву принадлежало 2 деревянных дома в Олонце и около одной десятины земли. После 1846 г. следы его теряются. В 1850 г. олонецкий мещанин И. В. Кондратьев уже числился умершим. Оставшееся после него имущество – два деревянных дома и один флигель с пристройками на сумму 255 рублей и различное имущество на 19 рублей 9 копеек серебром – попало в опеку «по случаю нахождения малолетних детей», причем опекунами были вдова краеведа Дарья Кондратьева, купец Василий Прилукин и некий олонецкий мещанин¹².

Одно только перечисление действий И. В. Кондратьева и написанных им работ позволяет сделать вывод о том, что это был необычайно энергичный, предприимчивый, не равнодушный к судьбе родного края и тянувшийся к образованию человек.

И. В. Кондратьев стал одним из первых олонецких краеведов-карел. Формированию его краеведческих интересов способствовали, во-первых, особенности его малой родины (старинный город Олонец, основанный в 1649 г., наличие среди горожан и купцов значительной прослойки карел-ливвиков), а во-вторых, относительно высокий уровень городской культуры, обусловленный близостью к столице России – Петербургу и выразившийся в устойчивом интересе олончан к прошлому своего города и уезда¹³. В июне 1836 г. он прислал архиепископу Олонецкому Игнатию Семенову¹⁴ три своих сочинения: «Записка разных изустных рассказ Олонецкого уезда кореляков-раскольников, к основанию секты их служащих и нигде еще доднесь не описанных» (далее – «Записка о кореляках-раскольниках»), «Записка о населении и основании Олонца и изъяснение происхождения разных корельских слов и примечательных местам названий» (далее – «Записка об Олонце») и «Записка любопытных происшествий, случившихся при высочайших проездах чрез Олонец» (далее – «Записка о высочайших проездах»). Два последних сочинения были найдены в архиве Синода и опубликованы Е. М. Прилежаевым в газете «Олонецкие губернские ведомости», а затем перепечатаны в «Олонецком сборнике»¹⁵. Обширные выдержки из «Записки о кореляках-раскольниках» были приведены А. С. Артоболевским в его книге об Игнатии¹⁶. Автограф сочинений И. В. Кондратьева

хранится сейчас в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) в Санкт-Петербурге¹⁷. Необходимо отметить, что тексты публикаций имеют цензурные изъятия.

Историю создания «Записок о кореляках-раскольниках»¹⁸ Иван Кондратьев в обращении к Игнатию изложил так: «... имея случай и разные связи с кореляками-раскольниками, живущими в городе Олонце и окрестностях оного, записал я некоторые более или менее нелепые их рассказы, основанием и поддержанием секты в кругу их служащие и для обольщения простолюдин-христиан в свое сообщество употребляемые. Рассказы сии, сколько мне известно, нигде и никем поднесъ еще не описаны; причину того могло быть необращение на оные грамотными людьми внимания; незнание русскими корельского языка; кореляками хорошо русской грамоты; или и то, что не всякий имел случай слышать их; но достоверность оных могут подтвердить многие жители Олонца; заслуживающие вероятия»¹⁹.

В этом сочинении приведены описания двенадцати религиозных представлений, точнее, правил карел-старообрядцев. В книге С. А. Артоболовского приведены лишь восемь из них (пропущены 2, 7, 11 и 12-е), причем они даны в изложении. Пятое правило в рукописи гласит: «Если бы кто мирской хоть как в жизнь свою ни грешил, и хотя бы как стар не был, но если будет окупан в бочке кем-либо из стариков или, в случае небытия сего, и старухою, то душа его пойдет прямо в царствие небесное и причтения к лику святых. Сие называется истинное крещение». Здесь, вероятно, имеется в виду распространенное в XIX в. в Карелии перекрещение пожилых людей из официального православия в старообрядчество.

Правило шестое также посвящалось обоснованию преимущества старообрядчества перед официальным православием: «Если кто, хотя и мирской, изображает на челе своем двуперстное креста сложение, то по втором страшном суде Христове за грехи свои хотя и осужден будет на вечное мучение в огненное озеро, но святая дева Божия мать поможет о них сыну своему Господу Богу, который, услышав молитву ея, повелит в озере том ловить золотыми неводами, в которые все знаменовавшие двуперстное креста сложение зацепятся и будут вытащены прочь, освобождены от мучения и переселены в блаженную жизнь. Но изображавшие на челе своем троеперстное креста сложение, как не могущие оным в невод зацепиться, останутся в огненном озере на вечное мучение». Это правило показывает как сложнейшие догматические конфликты преломлялись в «народном богословии» и переплетались с реалиями повседневного быта, в частности, традиционного для карел промысла – рыболовства.

Большой интерес представляют и не вошедшие, вероятно, по цензурным соображениям, в опубликованный С. А. Артоболевским текст правила. Второе правило гласило: *«После явления святых мощей преподобного отца Александра Свирского Чудотворца ничьи святые мощи не явятся; а хотя и будут представлять явление святых мощей, но все недействительных. О сем (якобы) при жизни сам преподобный Александр при кончине своей ученикам явил»*. Известно, что мощи Александра Свирского, были открыты в апреле 1641 г.²⁰, т.е. накануне никоновских реформ 1652–1658 гг., и после этого имя Александра Свирского стало широко известно и почитаемо на всей территории Олонецкого края. В «Житии» монаха-старообрядца Кирилла Сунарецкого²¹ Александр Свирский был назван «олонецким солнцем»²². По данным «Жития» Александра Свирского, он был уроженцем д. Мандера на реке Оять²³, т.е. родом из вепского края и, вероятно, сам вепс. С учетом всех этих обстоятельств, а также приведенных в сочинении И. В. Кондратьева данных о почитании Александра Свирского карелами-старообрядцами Олонецкого уезда в первой половине XIX в. (и, несомненно, в более ранний период) можно говорить о существовании с середины XVII в. до, по крайней мере, середины XIX в. местного старообрядческого культа Александра Свирского.

Восьмое правило звучало так: *«Старинные святые иконы находятся в церквях как в плену в чужой земле»*. Оно характеризует отношение карел-старообрядцев к иконам старинного дониконовского письма, находившихся в храмах официальной церкви. Одиннадцатое правило касалось употребления табака: *«Употребление табаку потому грешно, что не в естество, а вне онаго употребляется, и как оная трава первоначально произошла для прельщения от естестве двух блудно живших лиц, вместе похороненных, то посеми, кто начнет употреблять его, тот не может отвыкнуть»*. В рукописи имеются также правила о греховности употребления чая и кофе. Эти правила свидетельствуют о большом воздействии на карел-старообрядцев общероссийской старообрядческой традиции.

«Записка о кореляках-раскольниках» – это первая и практически единственная работа, описывающая мировоззрение олонецких карел-старообрядцев первой половины XIX в. Она позволяет сделать вывод о широком распространении старообрядчества среди олонецких карел, а также о своеобразной адаптации ими общероссийских старообрядческих представлений.

Другое сочинение И. В. Кондратьева «Записка о населении и основании Олонца и изъяснение происхождения разных корельских слов и примечательных местам названий»²⁴ посвящено истории и топонимике Олонецкой Карелии. Оно состоит из 27 небольших главков. В первой главке

«О времени основания Олонца» сказано: «*Олонец есть как бы древний главный город Карелии, на сие дают ему право первоначальное поселение, удобнейшие для земледелия места и знатное число жителей, поселившихся на оной равнине по рекам, ныне до 7 тысяч душ мужеска пола, и в особенности* (тот факт, что это поселение. – А. П.) *в древние времена было местом пребывания в нем олонецких воевод. Он основан и стал быть известным, как из письменных записок видно, в* (первой. – А. П.) *половине XIII века, но жители, по удобности местоположения поселились здесь гораздо прежде и едва ли не со времени основания Нова-города».*

Сведения, сообщенные здесь И. В. Кондратьевым, основаны на собственных представлениях о прошлом Олонца. Упомянутые же «письменных записки» – это, вероятно, источники, цитируемые в примечаниях в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Впервые Олонец упомянут там в примечании к девятой главе второго тома, где помещен текст церковного устава новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г., найденный Н. М. Карамзиным в приписке к Кормчей книге из синодальной библиотеки. В приписках к этому уставу и содержится упоминание Олонца: «А се Обонезьский ряд: во Олонци 3 гривны, на Свери гривна...»²⁵. Однако это упоминание, вероятно, было пропущено И. В. Кондратьевым, так как он относит основание Олонца к первой половине XIII в. Можно предположить, что основание Олонца он связывал со вторым упоминанием этого топонима у Н. М. Карамзина, сделанным в тексте третьего тома «Истории государства Российского» под 1228 г.: «Финляндцы разорили селения вокруг Олонца...»²⁶. К этой фразе имеется примечание, в котором приведен без указания на источник отрывок их летописи о набегах на побережье Ладожского озера и о битве ладожан с емью «около озера на Исадах и на Олоньсь...»²⁷. Первый публикатор работ И. В. Кондратьева Е. М. Прилежаев отмечает, что краеведу «не известна была напечатанная еще в 1815 г. в первом выпуске “Русских достопамятностей” уставная грамота новгородского князя Николы-Святослава Ольговича» 1137 г., которая «упоминает об Олонце как о населенной местности Обонежского ряда, обязанной платить определенную дань князю и владыке»²⁸. Между тем сведения, приведенные в этом разделе Иваном Кондратьевым, не противоречат современным научным данным о ранней истории Олонца²⁹, так как новейшими исследованиями доказано, что приписки к церковному уставу 1137 г. возникли также в XIII в.³⁰

Второй раздел сочинения И. В. Кондратьева «О шведских набегах и разорениях» посвящен влиянию пограничного положения Олонца на его историю: «*Сей город со времени населения и основания многократно истребляем был пожарами и, совокупно с окрестностями своими, претерпевал от шведов и*

финнов многие разорения. По сей то причине народонаселение в этом крае, несмотря на выгодность местоположения в отношении земледелия, рыбных и других промыслов, особливо близ старой шведской границы, малочисленно и, как по преданиям можно заметить, начало умножаться со времен Петра Великого, т.е. когда граница удалена была на дальнейшее от Олонца расстояние. Набеги сии были обоюдные, как русских с олончанами в шведские, так и шведов с финнами в российские владения».

Для доказательства того, что в Олонецком крае долгое время шла «пограничная война», И. В. Кондратьев приводит ряд доводов. Со ссылкой на «анекдоты Петра Великого»³¹ он упоминает, что «олонецкий священник Иван Окулов с собранною им дружиною ездил разорять шведскую землю и разорил 10 местечек, городов и таможен».

Другим доводом стала приведенная в сочинении карельская поговорка: «Сендю айгу равгу айгу и родчи тядю эй лейккаа»³² (здесь и далее транскрипция автора. – А. П.) – «Т.е. обеднее время есть мирное и швед головы не рубит», которую Иван Кондратьев объяснил так: «Шведы при набегах своих во время обеда и ужина не мучили истязаниями и не брали в плен».

Явным свидетельством «пограничной войны», по его мнению, является и «множество курганов в Видлицком погосте, близ старой шведской границы, и в самом Олонце».

Еще одно соображение относительно влияния на местных жителей прекращения шведских набегов после перелома в Северной войне сформулировано в сочинении И. В. Кондратьева так: «Во времена Петра Великого по умножению жителей или, по крайней мере, по уменьшении набегов, в начале XVIII века, в приходах Видлицком и Горском построены усердием прихожан церкви». Однако еще Е. М. Прилежаев со ссылкой на тарханную грамоту новгородского архиепископа Александра 1580 г. и писцовые книги 1582–1583 и 1628–1629 гг. отметил несоответствие этих данных реальным историческим фактам³³. Новейшие исследования подтверждают точку зрения Е. М. Прилежаева о том, что в Видлицком и Горском приходах церкви существовали уже в XVI–XVII вв. Церковь страстотерпца Георгия в выставке на Видлице упоминается в писцовых и переписных книгах 1563, 1616–1619, 1628–1631 и 1646 гг., а церковь святых апостолов Петра и Павла в сельце Горы на реке Видлице – в книгах 1628–1631 («поставлена вновь») и 1646 гг.³⁴

Большое внимание И. В. Кондратьев уделяет карельским топонимам, видя в них ценные краеведческие источники. В его работе сделана попытка объяснить один из них: «В Видлицком погосте, по реке Теккуле, от деревни того же имени, в 6 верстах, есть место, называемое Алойне ковад... Здесь

жители Видлицы во время междуцарствия и нашествия на Россию Литвы укрывались в лесах от шведских набегов постоянно 7 лет».

Далее краевед обращает внимание на то обстоятельство, что пограничная специфика влияла даже на форму жилища олонецких карел: *«В сем же погосте есть показываемые ныне жителями разные три места, где имели жительство первые поселяне ... Они в домах своих (как ныне рассказывают) имели обшитые железом двери, окна такой величины, что только голову можно просунуть им во двор, обнесенный валом и забором, откуда можно было удобно при малых набеггах защищаться».*

Еще одна легенда о нападении шведов на Олонец, приведенная Иваном Кондратьевым, также связана с топонимом: *«В устье реки Олонки близ Ладожского озера показываемое ныне жителями место, где шведы, по прибытии своем для разорения Олонца на большом судне, называемом лайва, заметили бывшую тогда в Ильинском погосте при деревне Горки еловую рощу, которая при восходе солнца показалась им величайшим войском. В испуге, дабы избежать встречи, они потащили лайву свою обратно в озеро, но как она была весьма велика, поворотить в реке не могли, тащили кормою, что весьма трудно, и потому, дабы им скорее убраться, вырыли часть земли в береге реки, поворотили лайву и ушли в Ладожское озеро».*

Это предание было хорошо известно многим олончанам. Летом 1860 г. поездку в Олонец совершил студент Петербургского университета, а впоследствии известный этнограф и путешественник Г. Н. Потанин. Тогда он побывал в Ильинском, где останавливался в избе местного крестьянина, работавшего шкипером. Позднее Г. Н. Потанин писал: *«На другой день после моего приезда мне удалось сделать одно полезное знакомство. В гости к шкиперу пришел старик Матвей Евдокимович Аникиев, прикащик купца Лулакова. Он знаток здешней старины и очень любознательный человек... Он мне сообщил несколько преданий, относящихся к началу здешней колонизации... Аникиев рассказывал мне, что четыре версты ниже деревни Унойлы или Теттеле есть место, называющееся “Лайван кеаньяльмюс”, т.е. “поворот судна”... Впоследствии я познакомился с крестьянином Полушкиным, самым старым человеком на погосте (ему 87 лет); он говорил, что это была война со шведами; что шведское судно вошло в Олонку, но будто шведы приняли лес за войско, пошли назад и на повороте концом судна своротили берег. И теперь будто в этом месте виден осыпавшийся берег»³⁵.*

Завершается этот раздел сочинения И. В. Кондратьева сведениями об Олонецкой крепости: *«Для защиты от нашествий шведов в городе Олонце была устроена деревянная крепость с башиями и окопана с восточной сто-*

роны рвом. Прочие стороны крепости прилежали к берегам Олонки и Мезре- ги и от того подобных рвов было не нужно. Крепость сия обрушилась в кон- це осьмнадцатого века. Ров и подесь еще существует». В качестве коммен- тария отметим лишь, что Иваном Кондратьевым не изучались архивные до- кументы по истории строительства Олонца, хотя весь обширный архив Оло- нецкой воеводской избы хранился в Олонецком уездном суде и только в 1841 г. был перевезен в Археографическую комиссию в Петербург³⁶ (ныне хранится в архиве Петербургского института российской истории).

Следующий раздел сочинения «Настоящее местожительство корел» содержит оценку их численности и обзор расселения: «Корелы, как из- вестно, живут в Олонце, Петрозаводске, Повенце, Кемии и в уездах их, частью в Сердобольском уезде (что в Финляндии). Впрочем, в сих мес- тах впоследствии времени поселились или приурочены многие жители русского наречия. Пространство места жительства корел положить можно в длину от Олонца до Кемии на 700, а в ширину от 100 до 200 верст, жителей обоюга около 100 тысяч душ».

Вслед за этой оценкой современной численности и расселения карел Иван Кондратьев заявляет: «Должно полагать, что в древности место жительства корел было гораздо обширнее». Доказательству этого посвя- щен пространственный раздел «Древнее место жительства их было обшир- нее», в котором сделана попытка объяснить несколько топонимов Посви- рья. Так, Кондратьев дает объяснение названию д. Мандера, известной, по данным жития Александра Свирского, как родина этого святого: «Мандер есть корельское слово и означает в отношении моря (так коре- ляки называют Ладожское озеро) твердую землю и взято от слова Ма-а (должно выговорить протяжно), земля. Название мандер употребляется только промышляющими на Ладожском озере в следующем случае: когда они находятся в отдаленном расстоянии от берега, говорят: «Мандер вез нягюв» – «Земля еще видна»; или когда за противным вет- ром идут с моря на веслах греблю, говорят: «соввамо, соввамо, овва мандерег сайммо», т.е. «гребли, гребли, овва на твердую землю попали». В новейших трудах по топонимике Карелии отмечен ливвиковский топо- ним «manner», «mantere», «mander» в значении «материк» (в противопо- ложность острову)³⁷, что совпадает с объяснением Кондратьева.

Название реки Оять Иван Кондратьев выводит от карельского слова «оя» – ручей или «ояд» – ручьи, что не противоречит современным пред- ставлениям о частом использовании в топонимике Карелии ливвиковского слова «оја» – ручей, канава³⁸, а название русской деревни Ковкиница (по- карельски Ковкиничу) на реке Свирь от карельского слова «ковгкой» – воз- вышенное³⁹.

Анализ присвирских топонимов завершается рассуждением И. В. Кондратьева о причинах исчезновения на данной территории карельского населения: *«Если же в сих местах нет теперь жителей карельского наречия, то причиною полагать должно, что во избежание бывших шведских набегов или по другим каким-либо обстоятельствам, с распоряжения начальства или помещиков они переселены в Тверскую и Новгородскую губернии; или еще и то, что карельский язык с славянским соединясь, потерял свою самобытность»*.

Следующий раздел сочинения И. В. Кондратьева посвящен анализу этнонимов «карелы» и «ливвики». Краевед отмечает: *«Олончан называют корелами и язык их карельским только русские, но сами называют себя ливгилейне (кореляк)»*. Он же попытался (в духе наивной «народной этимологии». – *Ред.*) объяснить оба этнонима: *«Карелы, разговаривая между собою о знании русского языка, говорят: “корон вягяжен”, т.е. “немного толмачу”. В древности русские, приезжая к ним, спрашивали: “Кто из вас умеет говорить по-русски?”, на что получали ответ: “Корон вягяжен”. Русские выучили сие, стали называть толмача сего корон, и от того впоследствии прозвали корела. Ливвин кеяли, т.е. карельский язык или народ. Известно по сходству языка, что кореляки одно племя с финнами. Финны разговаривают протяжно, корелы же в отношении их быстро или велеречиво, таковой разговор финны и корелы называют “либей киели”, сие должно перевести “велеречивый” или “быстроглаголющий”, и от сего слова “либей» прозываются кореляки между собою “ливгиляжет”. Обстоятельство сие подтверждается еще следующим: если кореляки, находясь где-либо на Руси, встречая один другого вопрошают: “Малтадо ливвиксе?”, т.е. “умеешь ли по-карельски?”»*. В существующих языковедческих исследованиях имеется несколько объяснений этнонима «карелы» (Karjala, Karjalaiset). Известный финно-угровед Д. В. Бубрих считал, что в глубокой древности под влиянием литво-латышских племен, деливших свою территорию на Низовую (Жема) и Верховую, или Горную (Лесную) (Girja или Garja), земли, прибалтийские финны также разделились на «низовых» (Nama или Names) и «верховых» (Kirjala или Karjala)⁴⁰. По другим этимологическим разысканиям этноним восходит к прибалтийско-финской лексеме «kaŗa» – скот, стадо⁴¹.

Два раздела сочинения И. В. Кондратьева посвящены топониму Олонец. Вначале он пытается объяснить карельское название этого города «Анус»: *«Город Олонец совокупно со всеми селениями по рекам Олонке, Мегреге низовой и другим называется по-карельски Анус, что взято от слова “Авнус” и значит в русском переводе – место множества скирд и стогов. Название сие, вероятно, произошло от того, что в древние вре-*

мена жители Олонца занимались только возделыванием земли, которая вознаграждала труд их, и потому ставили множество скирд и стогов. К тому же еще стога сии, по равнине местоположения Олонца, видны повсеместно во множестве. И сии то обстоятельства были поводом назвать его Авнус. Для легкости выговора говорится с упущением литеры «в» – «Анус». В современной топонимике считается, что «как и прочие географические названия, имеющие древнее происхождение, топоним Олонец с трудом поддается расшифровке». Наиболее приемлемой считается точка зрения о том, что этот топоним является производным от вепсского слова *alanukse* – «низкое место, низменность», в пользу чего свидетельствует и географическое положение Олонца. Другая точка зрения заключается в том, что карельское название города – *Aunus* происходит от слова саамского происхождения *Agnus*, которое переводится как «песок»⁴². Таким образом и в этом случае предположения Ивана Кондратьева о значении топонима Анус (Олонец) нельзя признать правильным.

В своем сочинении И. В. Кондратьев пытается решить вопрос и о заселении карелами района Олонца. По этому поводу он писал: *«По сходству языка, как выше сказано, известно, что олончана одноплеменные финнам. Поселялись по рекам, занимаемым ими ныне, по удобности местоположения для хлебопашества. Впоследствии времени вошли во владение Новагорода. Первые поселенцы были в Верховском приходе, что от города Олонца к Петрозаводску в четырех верстах, в деревне Вонгимале, что взято от слова «вангел», что значит «старший». Вторые после сего были по Низовой реке»*⁴³ *Ильинского прихода в деревне Иокселу, что взято от слова «иокси», что значит «бежал».* Далее им приводится легенда о том, что первый житель Иокселя, обживаясь на новом месте, увидел приплывшие по воде щепы и побежал искать своего соседа. Пробежав около 22 верст вдоль реки Олонки он нашел соседа с уже обустроенным жильем. После этого они решили называть друг друга «Иоксий» – «бегущий» и «Вангем» – «старший». *«Посему, – заключает Кондратьев – и ныне деревни называются сими именами».* Данная легенда не подтверждается какими-либо фактами, хотя, по мнению известного специалиста по топонимике Карелии Н. Н. Мамонтовой, названия этих деревень могли образоваться от имен-прозвищ их первых поселенцев – Иоксий, т.е. бегающий, и Вангем, т.е. старший.

Заключительная часть сочинения И. В. Кондратьева посвящена объяснению более 20 топонимов Карелии. Происхождение значительной их части связано с физико-географическими реалиями региона, его флорой и фауной. Он сообщает два карельских названия реки Олонки: ниже Олонца она называлась Алавойне (Низовая), а выше Олонца – Июлелгойне (Верховье). Местность к северу от Олонца называлась Тага войне (Задние волости).

На основании этих топонимов можно сделать ценные выводы об этноцентрической модели мира олонецких карел⁴⁴. Центром Олонецкой Карелии является г. Олонец, который делит реку Олонку на две части и отделяет Задние волости от собственно карельской территории. Интересно также название «Задние волости». Оно показывает, что Олонец и олонецкие карелы ориентированы на юг, на Россию. Здесь отразились многовековые реалии истории карел: жизнь под властью и защитой Российского государства, торговля с центральной Россией, отхожие промыслы в русских городах и т.д.

В перечне И. В. Кондратьева есть топонимы, происходившие от имен животных. Так, с. Мегрега получило название от реки Мегры, вытекавшей из Мегрозера, названного потому, что *«в окрестностях оно много барсук-ков, которые по-карельски называются “мягрю”*. Это объяснение разделяется и в современной топонимике. В работе Г. М. Керта и Н. Н. Мамонтовой «Загадки карельской топонимики» сказано, что значение топонима Мегрега первым раскрыл известный финно-угровед А. И. Шегрен. Можно добавить, что хотя Иван Кондратьев и сделал это вторым, но независимо от своего предшественника⁴⁵. Верно и объяснение Кондратьевым топонима Коткозеро (от «коткад-ярви», т.е. «орлиное озеро»)⁴⁶.

Забавное объяснение дает краевед названию двух речек Седокса (от карельского слова «сякси» – «комар»): *«Причиною сего была, когда олончани начали по оным обрабатывать топкие болота (на хлебопашество), то по сырости места во множестве водились там комары. В подтверждение сего служит доказательством существующая ныне пословица: когда олончана едут работать на Седоксу, то говорят: «секселе сяксий сиодтямяг», т.е. «на Седоксу комаров кормить»*.

В сочинении встречаются и топонимы, связанные с миром растений. Речка Куккас, как пишет Кондратьев, *«название свое получила от того, что по ней имеются хорошие сенокосные луга и растут травы с разными цветами, которые именуются по-карельски «куккайне»*. В современной литературе топоним Куккас производят от вепсского слова «kukkaz» – «холм, горка»⁴⁷.

Интерес представляет и объяснение в сочинении названия старинного монастыря, Габановской пустыни, упраздненной после пожара 1770 г.: *«Габановская упраздненная пустынь по-карельски называется Гаабу ниэми. «Гаабу» есть дерево осина, «ниэми» – мыс или наволок. Проименовано, вероятно, по причине произрастания во множестве на мысу осино-вых дерев»*.

Большое значение для истории Карелии имеют топонимы, связанные с деятельностью людей. Об истории заселения края говорит название Тулозеро, по-карельски Тулом-ярви, которое, по И. В. Кондратьеву «взя-

то от слов «тули» – пришел или «тулуж» – пришлый, т.е. названо «от пришлого куда-либо первого поселенца». Об эпохе новгородского владычества говорит топоним Обжи: «Река Обжи называется сим именем потому, что в старину пожаловано было некоему боярину несколько обжей (старинная мера земли) земли, что доказывается самим именем и еще тем, что поныне именуется одна из обжанских деревень Боярицкой. По-корельски Обжи называются искаженным русским словом Пижи». Отразились в топонимах и стычки со шведами: «Торозеро есть первая станция от Олонца к Петрозаводску. Называется она по-корельски Торазярви, что значит “драки озеро”. Вероятно, в старину было тут со шведами сражение, что тоже значит по-корельски драка – тора».

Отдельные топонимы Иван Кондратьев связывает с повседневными занятиями олонцев карел, название реки Тулоксы – с рыболовством: «Река Тулокса по-корельски называется Тулос, что взято от озера Тулос, откуда она имеет начало. Тулас значит лучить ночью с огнем рыбу, сие озеро прозвано так для удобства сего промысла». Подсечное земледелие нашло отражение в топониме Самбатукса: «Самбатукса и погост того же имени называется по-корельски Самматус, что происходит от корельского слова «саммута» – «затуши». Причиною сего происхождения полагать должно следующее: местоположения Самбатуксы в старину удобными были для обработки лесных распахек, которые по обжогам называются пало, т.е. горелое, а когда жгут и затушат, называют самматус – «затушенное».

Завершает список топонимов Олонецкой Карелии, приведенных в сочинении И. В. Кондратьева, Кондуша. Под этим именем существовало две деревни: «Кондуша называется по-корельски «Сройчан Конду», что означает «Троицын» (по близкому расположению Александро-Свирского монастыря), в различии от Пограничной Кондуши. Конду есть собственное название одного участка земли, обрабатываемого одним хозяином, и под сим же следует разуметь, что самое жилище владельца есть в некотором расстоянии».

Интерес представляют приведенные в сочинении И. В. Кондратьева сведения о д. Пограничная Кондуша, названной так потому, что в этом месте начиналась на берегу Ладожского озера и шла оттуда на север русско-шведская граница по Столбовскому мирному договору 1617 г. Кондратьев пишет: «Деревня Пограничная Кондуша называется по-корельски “Рая конду“». “Рая” означает черту, границу. Близ сей деревни, на берегу Ладожского озера и между оною деревнею и другою, таковою же, лежащей на шведской стороне, называемой Грозной, есть два камня, называемые по-корельски “Рая кивет”, т.е. “камни начала границы”. На

них имеются изображения высеченные: с Российской стороны крест осмиконечный, а со шведской подкова лошадиная, а на последней несколько истершихся шведских литер с означением 1617 года. От сих камней проведена была граница следующим образом: русские и шведы, имея при себе часы, или по предполагаемым для границы местам поочередно и по два часа времени. Посему каждая сторона, выгадывая себе в свою очередь лучшие места, часто проходила поперек деревни, разрезывая оные на обе стороны, как они и теперь еще существуют».

Последний топоним, сообщаемый И. В. Кондратьевым, «Лопи» или «Лаппи»: «Повенецкий уезд вообще жителями оного называется по-корельски «Лаппи», от слова «Лаппе-эс», «в стороне (живу)». Название сие, полагать должно, дано олончанами по причине переселившихся там в стороне и отдалении кореляков». Данное Кондратьевым объяснение подтверждается новейшими современными исследователями. Так, финский ученый Н. Валонен писал: «У карел-людиков Лаппи означало «северные области за пределами собственной территории», так что лаппалайнен могло означать собственно карела или лопаря»⁴⁸. Таким образом, И. В. Кондратьев оставил ценное свидетельство того, что в первой половине XIX в. южные карелы вкладывали в термин «Лопь» или «Лаппи» не этнический, а географический смысл, обозначая этим термином карел, живущих в северном Повенецком уезде.

В последнем рукописном сочинении «Записка любопытных происшествий, случившихся при высочайших проездах через Олонец» И. В. Кондратьев привел два предания о визитах в Олонец русских царей Петра I и Александра I.

Для понимания условий, влиявших на краеведческую деятельность И. В. Кондратьева и определявших ее направленность, имеет анализ социокультурного и этнокультурного развития г. Олонца и состояния исторической науки и краеведческих исследований в России в первой половине XIX в. Основанный в 1649 г. Олонец на протяжении длительного времени, с 1649 до 1782 г. (с перерывом в 1715–1727 гг.) был административным центром обширного Олонецкого края. После того как в 1782 г. административный центр Олонецкого края окончательно переместился в Петрозаводск, значение Олонца упало и с образованием в 1784 г. Олонецкой губернии Олонец стал ее уездным городом.

С середины XVIII в. Олонец существовал как торговый центр, постепенно все более развивая связи со столицей Российской империи Петербургом, снабжая его строевым лесом и дровами. В 1788 г. в Олонце имелось 319 частных и 16 казенных домов, в которых проживало 2041 лицо мужского пола, в том числе 459 купцов, 1289 горожан и 293 крестьянина. Уже с 1730-х гг. начался отток олончан в Петербург. Некоторые выходцы из Олонца становились известными

петербургскими предпринимателями. Олонецкие купцы Гуттуевы оставили след в топонимах Петербурга – Гуттуевский остров, Гуттуевский мост, Гуттуевская гавань. В Третьяковской галерее хранятся портреты олонецкого купца И. А.Серебрякова и его жены А. М. Серебряковой, написанные в 1802 г. известным художником Г. И. Угрюмовым⁴⁹.

По данным на 1856 г., в Олонце имелось 178 домов, в которых проживало 1155 человек (539 мужчин и 616 женщин). Среди них было 76 дворян, 55 представителей духовенства, 587 купцов и горожан, 121 крестьянин, 219 военных (вместе с отставными), 78 разночинцев и 19 кантонистов⁵⁰. По данным на 1856 г., в Олонецком уезде (без г. Олонца) проживало 32505 жителей, из них 19209 человек (около 59 %) были карелами⁵¹. Таким образом, Олонец был центром компактного расселения карел-ливвиков, которые в середине XIX в. составляли большинство населения Олонецкого уезда. В 1846 г. в нем прошла первая перепись карел, проживающих в Олонце, которая зафиксировала, что в городе постоянно проживало 513 православных карел, в том числе 74 купца, 366 горожан и 73 крестьянина, также в Олонце временно проживали 45 лютеран (20 приладожских карел и 25 финнов)⁵². С учетом всех погрешностей тогдашней демографической статистики, все же можно сделать вывод о том, что удельный вес карел в населении Олонца составлял в середине XIX в. не менее 45 %⁵³.

В первой половине XIX в. Олонец развивался и как культурный центр. С 1787 г. в городе действовало малое народное училище, преобразованное в 1811 г. в приходское и уездное училища. Кроме того, в Олонце существовало несколько частных школ.

Итак, в первой половине XIX в. Олонец был уездным городом Олонецкой губернии. Отличительными чертами города были тесные торговые и иные связи с Петербургом и наличие в населении большой доли этнических карел. Это означало, что, во-первых, имело место вовлечение олонецких карел в экономическую жизнь Петербурга и их приобщение к достижениям отечественной культуры. Во-вторых, в рамках российской социокультурной и идеологической парадигмы (под влиянием православия и теории официальной народности) в Олонце, в одном из исторических центров карельского народа, происходил процесс развития карельского этнического самосознания на новом гуманитарном уровне.

Результатом такого социально-экономического и социокультурного развития Олонца стало появление небольшой, хотя экономически зажиточной и развитой в культурном отношении, группы олонецких купцов, большая часть которой была этническими карелами. В конце XVIII – первой половине XIX в. эти купцы стали проявлять интерес к историко-культурному наследию Олонца и его окрестностей. Представители этой этносоциальной группы были хранителями исторических преданий, а также

заказчиками и читателями краеведческих рукописей. Внимание карельских купцов Олонца к прошлому своего края не могло не влиять и на формирование таких же краеведческих интересов у представителей других сословий, живших в Олонце, – горожан, разночинцев и крестьян. Именно в этих условиях в карельской общине Олонца и сформировались краеведческие интересы Ивана Кондратьева.

Необходимо отметить еще одну предпосылку возникновения в 1830-е гг. карельского этнического краеведения в Олонце – успехи исторической науки в России. В конце XVIII в. вышло многотомное сочинение выходяца из курского купечества И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России»⁵⁴. Вплоть до середины XIX в. это сочинение И. И. Голикова было единственной работой полно и достоверно представлявшей Петровскую эпоху. В «Деяниях Петра Великого» содержалось множество сведений о деятельности Петра I в Карелии, и неудивительно, что И. В. Кондратьев использовал приведенные там материалы в своих краеведческих рукописях.

Огромное значение для развития краеведческих исследований в России имела публикация в 1818–1829 гг. «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Этот труд можно было найти в домашних библиотеках дворян, чиновников, священников, купцов и горожан⁵⁵, ее читал и олонецкий меццанин И. В. Кондратьев. Можно предполагать, что читал с интересом, так как Н. М. Карамзин неоднократно упоминал Олонец в своей «Истории...»

Труды таких историков, как И. И. Голиков и Н. М. Карамзин, дали краеведам не только общее представление о ходе истории России, но и некоторую информацию о событиях, происходивших в их местности. Краеведам оставалось теперь связать эту информацию с местными обычаями, преданиями, топонимами, примечательными историческими памятниками и т. д. Такого рода синтез осуществлял и И. В. Кондратьев применительно к истории Олонца и его окрестностей.

Итак, в условиях первой половины XIX в. олонецкие карелы, в силу выше перечисленных факторов, оказались наиболее подготовленными для собирания и сохранения исторических сведений о прошлом своего края в виде претендующих на научность рукописей. Было положено начало новому явлению – карельскому этническому краеведению, первым представителем которого в России можно считать Ивана Васильевича Кондратьева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Биографические сведения об И. В. Кондратьеве см.: *Прилежаев Е. М.* К истории города Олонца и его окрестностей // Олонецкий сборник. Вып. 3.

Петрозаводск, 1894. Отд. 1. С. 227–228 (отд. отд. из ОГВ. 1891. № 94); *Еленевский Е. П.* Проект мещанина И. Кондратьева «О способе улучшения благосостояния казенных крестьян Олонецкой губернии» (1836 г.) // Вопросы истории. Петрозаводск, 1961. Вып. 1. С. 61–63, 66–67.

² Биографические сведения об И. В. Кондратьеве см.: *Прилежаев Е. М.* К истории города Олонца и его окрестностей. С. 227–228; *Еленевский Е. П.* Проект мещанина И. Кондратьева ... С. 61–63, 66–67.

² В одной из своих публикаций И. В. Кондратьев указывает свой адрес: «в Олонец, Ивану Васильеву Кондратьеву» (*Кондратьев И.* Лесопильная промышленность // Земледельческая газета. 1836. № 11. С. 85) (далее – ЗГ). Это единственное упоминание отчества нашего героя.

³ Ведомость, учиненная о состоящих в городе Олонце в торговом ряду деревянных самых старинных и ветхих лавок, кому оные принадлежат, сколько и чем торгуют // НА РК. Ф. 1. Оп. 39. Д. ½. Л. 51.

⁴ Росписи по набору 1812 года с 100 душ по 2 человека рекрут в городе Олонце // НАРК. Ф. 278. Оп. 1. Д. ½. Л. 135об. и др.

⁵ *Штукенберг И. Ф.* Статистические труды. СПб., 1857. Статья 7. Описание Олонецкой губернии. С.22.

⁶ *Кондратьев И.* О разработке болот в Олонецкой губернии // ЗГ. 1835. № 73. С. 582–583 (подпись: Иван Кондратьев, олонецкий мещанин и земледелец); *Он же.* О разработке болот // Там же. № 83. С. 664; *Он же.* Об олонецких озерах // Там же. № 94. С. 94.

⁷ ЗГ. 1835. № 73. С. 582.

⁸ ЗГ. 1836. № 11. С. 81–85.

⁹ Олонецкий сборник. Вып. 3. С. 289–291.

¹⁰ Коммерческая газета. 1836. № 77 (перепечатана: Журнал МВД. 1836. № 6. С. 594–597).

¹¹ Подробный анализ «Записки» И. Кондратьева см.: *Еленевский Е. П.* Указ. соч. С. 60–67.

¹² Именная ведомость об опеках, находящихся в заведывании Олонецкого сиротского суда за 1850 год // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/28. Л. 198 об.

¹³ Подробнее об олонцеком краеведении см.: *Паиков А. М.* «Купеческое краеведение» города Олонца в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 59–63. В настоящее время автор считает термин «купеческое краеведение» не совсем удачным, по его мнению, правильнее говорить о «посадском краеведении».

¹⁴ Игнатий Семенов (1791–1850) – епископ (с апреля 1835 г. – архиепископ) Олонецкий в 1828–1842 гг. Биографические сведения о нем см.: *Артоболевский С. А.* Игнатий, архиепископ Воронежский, и его пастырско-миссионерская деятельность. Уфа, 1905.

¹⁵ К истории города Олонца и его окрестностей (сообщил Е. М. Прилежаев) // ОГВ. 1891. № 94–96 (перепечатано: Олонецкий сборник. Вып. 3. С. 227–237).

- ¹⁶ *Артоболевский С. А.* Указ. соч. С. 177.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1666. Л. 1–14.
- ¹⁸ Текст см.: РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1666. Л. 3–4.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1666. Л. 1.
- ²⁰ Подробнее см.: Сказание об обретении мощей Преподобного Отца нашего Александра Игумена Свирского Чудотворца // *Житие и чудеса преподобного Александра Свирского.* СПб., 1995. С. 133–144 (репринт издания: СПб., 1905).
- ²¹ Подробнее о Кирилле Сунарецком и его «Житии» см.: *Поньрко Н. В.* Житие Кирилла Сунарецкого (или Виданского) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век.* СПб., 1992. Ч. 1 А-З. С. 366–368.
- ²² *Робинсон А. Н.* Комментарий // *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 300.
- ²³ Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Александра Свирского Чудотворца // *Житие и чудеса преподобного Александра Свирского.* С. 11.
- ²⁴ Текст см.: РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1666. Л. 40б. – 13.
- ²⁵ Цит. по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. СПб., 1842. Примечания. С. 111 (репринт: М., 1988).
- ²⁶ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5-е. Кн. 1. Т. 3. СПб., 1842. Примечания. С. 149 (репринт: М., 1988).
- ²⁷ Там же. Т. 3. Примечания. С. 114.
- ²⁸ К истории города Олонца и его окрестностей (сообщил Е. М. Прилежаев) // *Олонецкий сборник.* С. 228. Е. М. Прилежаев имеет в виду публикацию «Устав Новгородского князя Святослава» К. Ф. Калайдовича в издании Московского общества истории и древностей российских «Русские достопамятности» (М., 1815. С. 82–85).
- ²⁹ См. напр.: *Кочкуркина С. И.* Природа Олонецкой земли. Первые поселения. // *Древний Олонец /* Под ред. С. И. Кочкуркиной. Петрозаводск, 1994. С. 16.
- ³⁰ *Шапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси в XI–XIV веках. М., 1972. С. 164–165; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 80–90 и др. работы.
- ³¹ Имеется в виду кн.: Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные И. Голиковым. Изд. 1-е. М., 1795; Изд. 2-е. М., 1798; Изд. 3-е. М., 1807.
- ³² В работе И. В. Кондратьева при этой пословице имеется любопытная фонетическая сноска о том, что карельскую букву «г» «должно выговаривать как французское “g”» (л. 5).
- ³³ К истории города Олонца и его окрестностей. С. 229.
- ³⁴ *Чернякова И. А., Черняков О. В.* Писцовые и переписные книги XVI–XVII веков как источник по истории деревянного зодчества Карелии // *Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера.* Петрозаводск, 1988. С. 59.
- ³⁵ *Потанин Г. Н.* Поездка в Олонец // *Русское слово.* 1861. № 7. Смесь. С. 8–9.
- ³⁶ Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения института истории. М.; Л., 1958. С. 74.

³⁷ *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика. Петрозаводск, 1991. С. 58.

³⁸ Там же. С. 67.

³⁹ У слов с карельской основой *kouh-* (напр.: *kouhkie* «рыхлый, пышный») действительно имеется значение «приподнятый», но основа употребляется, когда речь идет о легких или мягких материалах (хлеб, тесто, сено, снег и т. д., ср. *kouhko* «легкое» /орган/). В случае же с Ковкиницей следует скорее обратить внимание на основу *kouk-* в словах со значениями «кривой», «извилистый», «изогнутый» и т. д., топоним может быть связан с конфигурацией русла или проток в реке Свири. (Значения см.: *Karjalan kielen sanakirja*, II. Helsinki, 1974. S. 361; Словарь карельского языка /ливвиковский диалект / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 155. – *Ред.*)

⁴⁰ *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 17.

⁴¹ *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 61; *Она же.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000. С. 155.

⁴² *Керт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982. С. 67–68; *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 128.

⁴³ Низовая река – название реки Олонки от Олонца до Ладожского озера. В сочинении И. В. Кондратьева сказано: «От Олонца до Ладожского озера река называется по-карельски Алавоине».

⁴⁴ Подробнее об этноцентрической модели мира на примере Поморья см.: *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 8–11.

⁴⁵ *Керт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Указ. соч. С. 63.

⁴⁶ Там же. С. 26.

⁴⁷ *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Указ. соч. С. 45.

⁴⁸ *Валонен Н.* Ранние лопарско-финские контакты. Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 78.

⁴⁹ Подробнее об истории Олонца в XVIII–IX веках см.: Олонец. Историко-краеведческие очерки в 2-х частях. Ч. 1. Петрозаводск, 1999.

⁵⁰ Статистические сведения об Олонецкой губернии за 1856 год // ПКОГ на 1858 год. СПб., 1858. С. 250.

⁵¹ Там же. С. 251, 255.

⁵² Ведомость об инородцах олончанах, финнах, корель, чудь, чухонцах и цыган, проживающих в городе Олонце от 7 апреля 1846 года // НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 67/26. Л. 5.

⁵³ Следует отметить, что замечание автора о «погрешностях тогдашней демографической статистики» не случайно. Несмотря на относительно небольшие изменения в общей численности населения Олонца с 1856 г. за 70 лет, по результатам двух последующих переписей 1897 и 1926 г. (последняя из которых признана демографами наиболее объективной по ряду показателей) количество коренного населения (карел) составляло: 1897 г. (всего в

городе 1246 жителей) – 65% (по родному языку), 1926 г. (всего 1766 жителей) – 69,6% (по национальности). Что же касается Олонецкого уезда (района), то здесь картина еще более впечатляющая: 1897 г. – 71, 3% и 1926 г. – 94% карел. При этом 91,8% жителей Олонецкой губернии в 1897 г. являлись местными уроженцами (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXVII. Олонецкая губерния; Список населенных мест Карельской АССР /по материалам переписи 1926 г.). Более чем значительный рост количества карел в городе и уезде в сравнении с другими национальностями за столь краткое время, скорее всего, связан с техническими недостатками переписей XIX в. – *Ред.*

⁵⁴ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т. 1–12. СПб., 1788–1789; *Он же.* Дополнения к «Деяниям Петра Великого». Т. 1–18. СПб., 1790–1797.

⁵⁵ Шмидт С. О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 4. М., 1988. 2-я паг. С. 28–43.

И. Ю. Винокурова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ВЕПСКОГО РИТУАЛА НОВОТЕЛА

Одним из основных методов анализа общего и особенного в этнологии является типологический метод, цель которого – выявление «типа» или идеальной модели, отражающей некоторые существенные признаки определенного множества явлений и игнорирующей другие признаки, рассматриваемые как несущественные¹. В качестве примера успешного применения типологического метода в исследовании обрядов следует назвать работы Ю. Ю. Сурхаско «Об историко-этнической типологии карельской свадьбы»² и «Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.)»³. Среди многообразия локальных вариантов карельской свадьбы исследователю удалось выделить два основных региональных типа: северокарельский и южнокарельский. Их существование он объяснил различиями в конкретных исторических условиях формирования и развития этнографических групп карел. В настоящей статье опыт типологического исследования обрядов Ю. Ю. Сурхаско используется в изучении одного из малоизвестных ритуалов в традиционной культуре вепсов – обряда, совершаемого по случаю отела коровы (*вепс. kandand*).